

О чем писал «Фома»

Владимир Гурболиков

Эра недоверия, или Место встречи изменить нельзя

Фото
1992 года

Многие наши читатели наверняка смотрели (и не раз!) — замечательный фильм Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Но возможно, не все они помнят, что роман братьев Вайнеров, по которому писался сценарий, назывался иначе. Его название — «Эра милосердия».

Помните, в фильме герой, которого играет Гердт, — человек, переживший войну, — мечтает? Мечтает о том, что совсем-совсем скоро, лет, кажется, через двадцать, наступит Эра милосердия — время, когда ожесточение, вражда и недоверие сменятся всеобщей любовью...

Прошло двадцать, тридцать лет, прошло уже полвека с той поры. И вместо Эры милосердия, которой ждали наши дедушки и бабушки, пришла Эра недоверия.

Как же это получилось? Да просто нас так часто и грубо обманывали, а потом так громко разоблачали очередной обман, что у людей выработался исключительной силы рефлекс все критиковать, все брать под сомнение, ничему не доверять. Доверять стало очень трудно. Еще труднее — *верить*.

Слова, идеалы, которым так верили раньше, для миллионов людей потеряли спасительную ценность, перестали быть идеалами. Но ведь без смысла жизни человеку очень нелегко! И потеряв прежние идеалы, люди стали оглядываться, искать новые... Или «хорошо забытые старые». Многие задумались: не в вере ли, не в древней ли Церкви — истинная ценность, не здесь ли спасение? Некоторые решили — да, спасение здесь. Но некоторые после первого, инстинктивного, живого движения души, вспомнив разные прежние (и новые) обманы, — либо замерли, не решаясь войти в Церковь, либо повернули вспять. Почему?

С одной стороны, наверно, потому, что взгляд наш уж очень «пристрелянный» на неправду. Приученный везде и во всем видеть вранье. И он «помогает» нам быстро найти, выхватывать во внешней стороне

жизни, в том числе церковной, отрицательные факты, коих, по нашему мнению, вполне достаточно, чтобы «вынести окончательный приговор».

Какие это факты? Ну, например, тот «факт», что верить сейчас *модно*, модно креститься, крестить, освятить офис, свечку поставить, чтобы все твои желания — неважно, плохие или хорошие — «исполнились». В моде мы справедливо видим суетность, неправду, поэтому появление «моды на церковность» мы зачисляем в минус Церкви... Не учитывая, что в жизни большинства истинно верующих людей (а это, по сути, и есть Церковь) никакая мода ничего не меняет, да и никогда не меняла. Как была жизнь очень непростой, так и осталась, даже еще сложнее стала. А значит, нет для них никакого такого факта — моды на Церковь.

И еще забываем мы, что мода кратковременна, а Церковь существует тысячелетия — вне или даже вопреки не только моде, но и прямым гонениям со стороны государства и большинства общества.

Еще повод для недоверия: «театральность» православных обрядов, служб и таинств... Нам ведь ничего не понятно! — а мы привыкли к рациональности, к практическому подходу. А где здесь, в церковном обряде, — *практический* подход?! Даже в нынешнем море религий — сколько делается для нас «полезного»! Экстрасенс обязательно чего-нибудь вылечит, колдун снимет порчу, йог научит телом владеть так, что делай телом что хочешь! А в Церкви — все чисто метафизическое, все непонятное, все как бы не для человека, а для Бога!

«Фома» № 1
за 1996 год

Но подлинный апофеоз недоверия наступает, если вдруг какой-либо церковный деятель сделает что-то, с нашей точки зрения, зазорное. Мы переносим на всю Церковь ответственность за любой, с нашей точки зрения, дурной поступок священника, а иногда даже и простого прихожанина (достаточно вспомнить пресловутых «злых» старушек, которых мы неизменно «помним», ругая почему-то Церковь)! Мы требуем от нее кристальной чистоты и ставим это условием нашей благожелательности к ней... Хотя в данном случае, если разобратся, не мы спасаем Церковь, а сами теряем время, данное нам для спасения.

* * *

Между прочим, здесь стоило бы остановиться и внимательно посмотреть: а что, неужели сами церковники не видят, не замечают никаких прорех в своей «церковной ограде»? Еще как видят, более того — многие на себе испытали то, что и представить страшно! Прочтите, например, книжку о житии великого старца Троице-Сергиевой лавры монаха Захарии. Жил он в Лавре накануне революции, во времена духовного упадка и нависающей за свою жизнь в стенах монастыря таких вопиющих безобразий, что, исходя из нашей логики, должен был бы после победы большевиков прямо проситься в члены «Союза воинствующих безбожников»!

Из зависти к той кротости, трудолюбию, любви к Богу, людям и молитве, которыми выделялся старец Захария, его даже покушались убить — монахи (это, правда, если

называть монахами всех, кто носит рясу; для Церкви такие монахи — лжемонахи)! Услышал ли кто-нибудь от него, столько повидавшего и потерпевшего, хоть одну укорицу Церкви, хоть какой упрек ей? Вовсе нет. Даже наоборот, именно старец Захария, когда закрывали Лавру, до последнего момента сопротивлялся выселению!

Почему же он и многие другие церковные люди так поступали? Отчего не обижались, не уходили из Церкви, а напротив, готовы были пострадать, погибнуть за нее? Видимо потому, что за событиями внешней жизни они умели разглядеть нечто гораздо более важное. Нечто, что выше и существеннее, чем жизненные неприятности. Разглядели глубинную, неподверженную осквернению суть — *святость* Церкви.

Ведь оттого, что люди, среди которых — даже надевшие церковные одежды, поворачиваются спиной к своему Спасителю, Церковь не перестает быть спасительной для тех, кто этого спасения жаждет. И вывод получается простой: не надо брать пример с тех, кто отвернулся! Не надо все время смотреть в их сторону! Нужно уметь видеть главное, не отвлекаться от *доброй цели*.

* * *

Как же «не отвлекаться», как «не смотреть»? — такая диалектика на практике чрезвычайно трудна для нас. Мы как раз любим найти кого-нибудь, кто «хуже» нас, чтобы себя оправдывать. Мы не понимаем, что ссылка на чей-то грех не является поводом, чтобы и нам грешить. С точки зрения

Кадр из фильма
«Сталкер», реж.
Андрей Тарковский

веры над нами властвует тяжелый грех — гордыня, уводящая нас на ложный путь.

Гордыня проявляется по-разному. Либо как осуждение кого-либо, тыканье пальцем в чужие грехи — с неизбежным при этом самопревознесением. Либо как ложная любовь к человеку, в первую очередь к себе самому, — когда мы призываем принимать нас «такими, какие мы есть», т.е. занимаемся банальным самооправданием.

«Человек — это звучит гордо» — тезис, заводящий в самые сложные идейные и житейские тупики. Горделиво выставляя право человека на полную свободу, пропагандируя плюрализм как некую самоценность, мы на практике очень часто открываем дорогу самым разлагающим, губящим — иногда души, а иногда и тела людей — вещам.

Мы бросаемся из крайности в крайность: то мы атеисты, фактически не признающие за духовным миром даже самого права на существование («его нет, потому что не может быть никогда!»). То вдруг — безудержные мистики, готовые броситься в объятия любой таинственной и при этом, как правило, абсолютно безнравственной, внеморальной религиозной доктрины (в которой отсутствует ясное, глубокое понятие о том, что такое «хорошо», и что такое «плохо»).

Церковь пытается удержать нас как от первого заблуждения, так и от второго, спасти, научить. Она освящает лучшее не только внутри человека, но и вовне — наполняет смыслом самые прозаические моменты нашей жизни. Она призывает людей на покаяние, движение, подвиг к Богу, преображая души молитвенным трудом и силой церковных таинств, таинств, неразрывно связанных с «обыкновенным» нравственным воспитанием, просвещением, совершенствованием человека. В этом глубочайшее отличие таинств Церкви от тайных обрядов, камланий и заклинаний язычества, магии, оккультизма и т.д.

* * *

Все вышесказанное вовсе не значит, что в стенах храма или монастыря можно укрыться от «мирской суеты» так надежно, как в барокамере от загрязненного воздуха. Дурное проникает и сюда вместе с нами, — ведь мы лишь пытаемся очиститься, но мы отнюдь не чисты. Поэтому и здесь возможны ошибки, падения, даже преступления. Но нет никакого смысла в том, чтобы жадно выискивать такие эпизоды, забивать души — свою и чужие — этим сором и тем самым обрекать себя на духовную смерть. Наоборот, двигаясь вопреки этим соблазнам, обращая внимание в первую очередь на доброе, хорошее, можно идти к подлинному спасению души.

«Но как идти? Неужели через эти все-таки непонятные, странные обряды, так называемые таинства?! Ведь это же средневековый вздор», — скажет иной современный читатель.

Для современного человека, любителя науки и научной фантастики, возможно, понятной будет еще одна кино-аналогия — с очень глубоким фильмом Андрея Тарковского по сценарию братьев Стругацких «Сталкер».

Вот вкратце сюжет. Сталкер (проводник) — ведет своих спутников — Писателя и Ученого — в особое место, Зону. В центре Зоны стоит дом, в котором есть комната, где «исполняются желания».

Но добраться туда, по убеждению Сталкера, можно, только подчинившись парадоксальным законам Зоны, иначе — смерть. Сталкер уверен в своей правоте, и он призывает своих товарищей идти самым невероятным путем, двигаться ползком, следовать за брошенной им гайкой с привязанным бинтом...

А спутники Сталкеру не верят. Этому способствует и то, что на их пути не происходит ни явного чуда, ни катастрофы. Хотя один необычный эпизод все-таки есть: Писатель, который нарушил запрет Сталкера и двинулся к дому напрямик, был внезапно остановлен неким голосом.

Но и в это чудо — чудо спасения человека — можно не поверить, найти ему рациональное объяснение. Писатель так и поступает: он утверждает, что его «просто окликнул Сталкер»...

Зрители как в этом эпизоде, так и по ходу всего фильма целиком на стороне Сталкера. Они-то ему верят! Но фильм заканчивается. И множество людей, сталкиваясь с реальными, не кинематографическими таинствами и чудесами, вдруг превращаются в рьяных последователей Писателя. Ведь насколько трудно было спутникам Сталкера понять смысл его «странных» поступков, настолько же и нам с вами нелегко уяснить суть и значение церковных обрядов.

Однако же церковное таинство хотя и тайна, но все же не сверхсекрет, не магия (в этом, кстати, его отличие и от ситуации «Сталкера»). К уяснению смысла, пониманию своих таинств Церковь даже призывает! И пусть они кажутся нам сначала устаревшими, непонятными, странными, как одеяние священника, икона или древний церковнославянский язык. На деле выясняется, что перед нами отнюдь не «просто» памятник истории и культуры — а живая тайна, всем строением своим надежно защищенная от подделки. Это так же ясно, как то, что нельзя убрать со стены храма икону Спасителя и вместо нее молиться на фотопортрет актера из фильма «Иисус Христос — суперзвезда»...

Да, в Церковь войти трудно (как трудно войти в Царствие Небесное!). Но стоит только напрячь волю, проявить желание и терпение, как вера начинает прорастать в душе. И тогда видишь, как Церковь преображается и преобразует окружающий мир в Мир Божий... Счастье этого открытия совсем рядом. И как жаль того, кто по собственной воле отказывается от такого богатства! ➤

Олег Янковский
на съемках фильма
«Ностальгия»

* * *

Тем не менее изжить недоверие очень непросто. И логика житейская подсказывает нам вроде бы правильный вопрос: разве можно войти в Церковь без образования, без глубоких знаний о Православии? Более того: разве можно крестить младенцев, т.е. совсем еще несознательных детей! Только что говорили о необходимости понять смысл таинства, а приносят детей — креститься, причащаться! Здесь же явное противоречие!

Как тут ответить? Дело в том, что наше изучение снова и снова возвращает нас к тому, что перед нами именно *тайна*, где логика не формальная, не математическая, а живая!

Вот, казалось бы, верно: нельзя крестить младенцев... А наблюдения, впечатления и опыт многих людей, опыт всей Церкви

свидетельствует: можно и зачастую — необходимо!

Церковь говорит, что, получая крещение, человек обретает благодать Святого Духа и получает своего ангела-хранителя. И как знать, только ли случай так часто делает из «просто» крещеного глубоко верующего человека?

А ведь случается быть свидетелем и того, как вполне «начитанные», иногда даже просвещенные в религиозном плане взрослые люди, сознательно решившие креститься, вдруг начинают бесконечно откладывать этот «поход». Они ищут предлоги, начинают путаться в сомнениях, метаться, отказываться от крещения под самыми нелепыми предложениями, — будто какая-то сила сковывает их и не дает совершить этот шаг: перед крещением очень многие необычно нервничают, либо даже заболевают — болезнями, которые зачастую исчезают почти сразу после таинства. Автор и сам также не избежал этих «докрещенских» испытаний — борьбы с кем-то, кто ни за что не хочет тебя упустить...

Что же касается познания учения Церкви, глубокого проникновения в смысл ее таинств... Нисколько не отрицая необходимости такого познания, все же, наверное, нужно понять, что подлинное изучение этого невозможно иначе как через жизнь с Церковью, в Церкви. Смысл молитвы становится раз от раза понятней *только* искренне молящемуся. Суть таинств будет раскрываться *лишь* перед тем, кто этими таинствами не пренебрегает.

И перед лицом этой «науки» зачастую теряют значение обычные наши понятия об образованности, учености, мудрости. История являет нам множество примеров того, как совсем простые, иногда вовсе безграмотные и при этом даже очень распутные люди преобразались, благодаря Церкви, в глубочайших философов, психологов и ясновидцев, людей высочайшей нравственной чистоты и духовной силы.

Примеров такого преобразования в мирской жизни ничтожно мало; в жизни церковной — великое множество. И именно поэтому место преобразующей нас встречи с Богом, как говорится, «изменить нельзя», да просто глупо пытаться менять. И тот, кого томит отсутствие смысла, кто не может дольше жить одним слепым недоверием, кто видит в своих отношениях с другими людьми «непреодолимую» испорченность, запутанность и вражду, — пусть войдет к Богу, в Церковь. Войдет, оставив азартный поиск дурного, и будет просить для себя у Бога только смиренного понимания и раскаяния в собственных грехах, помощи в укреплении веры и добрых духовных учителей.

Просите, и дано будет вам (Мф 7:7). ☩.

Статья была впервые опубликована
в профсоюзной газете «Солидарность»
летом 1994 года